

ТОНАЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Введение

В ряду текстовых категорий особое место занимает категория субъектности, через которую в тексте находит отражение прежде всего личность говорящего (сигналы сознательной или подсознательной психологической установки автора текста), а также – опосредованно – и другие составляющие коммуникативного акта (адресат и ситуация общения). Личность автора всегда присутствует в тексте, независимо от функционально-стилевой принадлежности, сообщая ему определенную психологическую окраску (субъективную модальность) [Балли 1955]. Субъективная модальность отличается от объективной, под которой понимается выражение отношения высказывания к действительности на основе понятий «реальность/ирреальность» [см.: Теория функциональной грамматики 1990]. Субъективная модальность определяется отношением говорящего к содержанию высказывания [Золотова 1962: 72]. Выделяются различные виды субъективной модальности: оценочность, эмоциональность, волеизъявление [Балли 1955:43 – 45].

Категория субъективной модальности, будучи комплексной в семантическом отношении, сложно соотносится с другими семантическими категориями, например, оценочности, эмотивности, экспрессивности. Отдельного внимания заслуживает категория оценочности. Оценка парадоксальна по своей сути: «аксиологические концепты (ценности) в одно и то же время зависят от внешнего мира и независимы от него» [Арутюнова 1988: 57]. Оценка определяется «фактическими свойствами предмета в той мере, в какой оно ими мотивиру-

ется» [там же], в то же время мотив оценки и сама оценка не связаны напрямую.

Объективность оценки определяется ее зависимостью от социальных норм, принятых в обществе в данное время. Различные нормы (этические, эстетические и др.) связаны с традиционным проявлением функций явлений действительности [Матвеева 1986], отражают опыт социального бытия людей: «Вне опыта нет языка... Все естественные человеческие языки представляют собой структурно организованную классификацию человеческого опыта, и содержанием деятельности общения с помощью языка в конечном счете всегда является опыт» [Звегинцев 1970: 281].

Система норм создает идеализированную модель мира [Арутюнова 1988], с которой соотносится каждое высказывание. Такая нормативная модель отличается антропоцентричностью и характеризуется проработанностью тех участков, которые связаны с повседневной жизнью людей (наличие специального языкового кода, включающего оценочные слова, морфемы, фонетические варианты, интонационные и синтаксические конструкции, стилистические приемы). Остальная часть явлений реального мира характеризуется универсальными оценочными конструкциями, наличием лакун.

Основанием оценки может выступать как мысль, так и чувство, отсюда условное выделение эмоциональной и рациональной оценки. Рациональные оценки связаны с мнением, суждением и с обозначением оценочного смысла; эмоциональные – с непосредственной реакцией на стимул и выражением оценок [Матвеева 1990]. Вслед за Т.В.Матвеевой мы отказываемся от выделения текстовых категорий в соответствии с названными типами, так как при данном подходе за пределами означенных категорий остается большое количество неклассифицированных единиц (языковые единицы волеизъявления, образные единицы языка и речи, языковые средства, обладающие семантикой экспрессивности), и при-

нимаем за основу деление языковых и речевых явлений на логические и экспрессивные. Для обозначения экспликации экспрессивности принимаем термин *тональность*, уже получивший значительное распространение.

Ученые подчеркивают коммуникативно-прагматический характер этого понятия «тональности» [см.: Горшкова 1989], что позволяет рассматривать под общим углом зрения такие языковые явления, как эмоциональность, интенсивность, образность, волеизъявление. «Тональность — текстовая категория, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [Матвеева 2003: 549]. Психологическое самораскрытие автора, свойственное полю тональности, обладает, по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата [Телия 1986]. Категория тональности представляет собой определенную совокупность частных семантических сфер эмоциональной оценки, интенсивности и волеизъявления, при ведущей роли эмотивной составляющей. Категория тональности в языке и тексте организована по полювому признаку.

На дотекстовом уровне базовыми средствами тональности являются языковые единицы, которые непосредственно выражают семантику эмоциональности, усиления, волеизъявления: эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная лексика, интенсификаторы, слова с суффиксами субъективной оценки, восклицательная интонация, экспрессивные интонационные конструкции, прямые и переносные формы повелительного наклонения, экспрессивные синтаксические конструкции, специальные приемы выразительности (тропы и стилистические фигуры). Указанные единицы представляют ядро поля тональности.

Периферия языкового поля тональности чрезвычайно обширна и смещена в речь. Она представлена единицами с непрямым выражением эмоционально-экспрессивной и волеизъявительной семантики: нейтральной лексикой с эмоциональной коннотацией и в эмоционально-экспрессивном употреблении, нейтральными словами, обозначающими понятия об эмоциях и волеизъявлениях. Также добавляются такие собственно текстовые способы передачи эмоционально-экспрессивного содержания, как фразовый ритм и содержательно-событийная передача эмоциональной напряженности [Матвеева 1990].

Задачей настоящего исследования является описание категории тональности на материале церковной проповеди и выявление присущего ей своеобразия экспликации в текстах указанного жанра.

Основные субкатегории тональности в проповеди

В приведенном выше определении тональности отмечается возможная направленность психологического состояния автора: на излагаемое (предмет речи), адресата и ситуацию общения. В данном конкретном случае, когда дело касается жанра проповеди, отмеченные позиции получают своеобразное воплощение.

На наш взгляд, основной, определяющей базовую тональность проповеди будет являться позиция автора по отношению к адресату. Анализ текстов проповеди показал наличие существенной специфики в области прагматики текста: проповедник обращается к слушателям от лица Бога, занимая особую «срединную» позицию.

Проповедь – трансляция божественной истины. Гомилеты отмечают важную роль боговдохновенности проповеди, для чего необходимо определенное состояние духи и души проповедника. По сути, проповедник передает слушателям слова

Бога. Соответственно, в коммуникативной ситуации присутствует особый компонент, релевантный для жанра проповеди: проповедник учитывает не только адресата, но, прежде всего, мистический религиозный компонент, самого Бога. Отсюда очень важная отличительная черта проповеди – наличие благоговейной тональности, пронизывающей весь текст проповеди.

Следует также отметить, что благоговейная, т.е. эмоционально приподнятая и почтительная тональность определяется и самим местом, где произносится проповедь, причем церковь понимается и как реальное место, и как сообщество единоверцев. Проповедник выступает не столько от своего имени, сколько от имени церкви, как представитель церкви, как выразитель ее учения, поэтому «она должна быть проникнута тем же духом, который веет в церковных молитвах, чтениях и песнопениях» [Аверкий 2001: 41]. Если же говорить о церкви как о реальном здании, то она представляет собой храмовый комплекс, исполненный символичности: это дом Бога, где все детали, начиная с архитектурных и заканчивая облачением священника, призваны создать у прихожан ощущение почтения, благоговения. Все, что произносится в церкви (молитвы, акафисты, песнопения, проповеди и т.п.), должно быть исполнено почтительности и высоких чувств (отсюда запрет разговаривать в храме).

Благоговейная тональность достигается в тексте проповеди за счет использования церковно-религиозной лексики (Господь Вседержитель, престольный праздник, царство Божие, жены-мироносицы). Особо следует сказать об употреблении в тексте проповеди полных имен Бога, святых, названий религиозных праздников. Проповедник не может допустить никаких обыденных, в том числе собственных имен в упрощенных вариантах (Христос, Иисус, Мария, Павел, Петр). Благоговейная тональность достигается за счет употребления полных номинаций Господь Иисус Христос, Пре-

святая Дева Мария, Пресвятая Богородица, святой апостол Павел, первоверховный апостол Петр, святитель Василий Великий, Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня и т.д.

Также почтительность и благоговейность достигается использованием архаически-возвышенной и эмоционально-оценочной лексики (беспримерная преданность, неземное величие, черпать вдохновение, преславный праздник, древо благословенное, величайшая помощь), употребление которой связано с достижением следующих коммуникативных целей: воспитательно-дидактической и положительного эмоционального воздействия, направленного на формирование у аудитории определенных морально-нравственных концептов. Указанные средства составляют ядро поля благоговейной тональности, наряду с ними как составляющая периферии используется общекнижная лексика (восприятие, бытие, истинная роль, традиции, весьма, придерживаться иных мировоззрений).

Благоговейная тональность достигается также за счет почтительного цитирования Священного Писания как Слова Божия. Гомилетика рекомендует проповедникам обращаться к цитированию Священного Писания и Священного Предания как непререкаемого авторитета в религиозной среде как можно чаще. При этом, утверждают гомилеты, текст Священного Писания оказывает влияние и на аудиторию, и на речь проповедника: «Нашими руководителями в способе проповедничества могут быть святые отцы-проповедники. У них мы и должны учиться тому, как нам проповедовать и какой характер давать своему проповедническому слову. В своих проповедях святые отцы более всего и прежде всего занимаются истолкованием Священного Писания, и дух Евангелия, дух Божественного Писания проникает собою и оживотворяет их слово. Когда они говорят и не на тексты Писания, все равно авторитет Слова Божия неизменно как бы стоит

перед их мысленным взором и они каждый раз прибегают к нему, когда хотят подкрепить свое рассуждение и дать ему убедительную для слушателей силу. Читая проповеди святых отцов, вы видите и чувствуете, что не "дух мира" руководит ими и двигает их мысль и сердце, а "Дух от Бога" (Кор. 2,12) [Аверкий, 2001: 43]. Рассмотрим более подробно, какова роль цитирования в тексте проповеди.

Цитирование Священного Писания в православной проповеди происходит на церковнославянском языке, который, наряду с греческим, латинским и др., входит в число пророческих (пророческих), или апостольских языков. Русская Православная Церковь настаивает на сохранении церковнославянского языка как богослужебного именно в силу его сакральности. Проповедь, являющаяся неотъемлемой частью богослужения, произносится на русском языке с целью большей понятности и назидательности. Тем не менее, в тексте проповеди наблюдается эффект двуязычия: наряду с русским, в ней присутствует и церковнославянский язык, создающий благоговейную тональность.

Формы присутствия церковнославянского языка в тексте проповеди различны: возможны цитаты из сакральных текстов на церковнославянском языке; возможны аллюзии, реминисценции как из Священного Писания, так и из Священного Предания на русском языке [см.: Кутина 1984]. Так, например, происходит в проповедях митрополита Антония (Сурожского), тексты проповедей которого наполнены «безадресными» цитатами из святоотеческого наследия, что, впрочем, является обычным и для самой святоотеческой письменности. У преподобного Симеона Нового Богослова можно найти множество аллюзий на творения Григория Богослова, реминисценций и отголосков мыслей других авторов, отдельные выражения из литургических текстов. Объясняется это тем, что для преподобного Симеона Нового Богослова, как и для прочих Отцов Церкви, православное Преда-

ние было той стихией, в которой он жил, тем воздухом, которым он дышал, и потому для него не было необходимости постоянно цитировать других Отцов, ссылаться на авторитеты древности.

Цитация сакральных текстов в проповеди имеет различную функциональную нагрузку. Сакральный текст – это священный текст, текст Священного Писания. Сакральный (от лат *sacer, sacri* – священный, святой; магический; таинственный) – священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу. Формирующиеся надэтнические религии (ведизм, буддизм, зороастризм, христианство, ислам) обладали книгами, в которых содержалось Откровение Бога и учение о Боге, о мире, вере, спасении. Такие книги почитались священными (сакральными). Нередко сакрализировался и язык, на котором написано Откровение, что придавало учению «надежность, истинность, а может быть, и вечность» [Мечковская 1998:15].

Под цитатой мы будем понимать «в точности воспроизводимые чьи-либо слова (в устной речи) или дословную поддержку из какого-либо текста (в письменной речи)» [О.Н.Емельянова 2003:749-750]. Приведение цитат свидетельствует о достоверности передачи чужого высказывания и косвенно передает уважение к источнику информации и сказанному им. Цитаты принято считать экспрессивным средством, дополняющим фактический материал с помощью логических или психологических доводов.

Поводом для произнесения проповеди зачастую является прочитанный на церковнославянском языке отрывок из Священного Писания. Проповедь может произноситься либо сразу после чтения Евангелия, либо после окончания основной части богослужения. Цель проповедника – разъяснить аудитории смысл прочитанного «зачала» и дать на этой основе нравственное назидаение. Священник может отослать слушателей к прочитанному на службе сакральному тексту:

«Сегодня мы с вами слышали отрывок из...». Сакральный текст находится за текстом проповеди, но определяет ее тему, влияет на отбор содержания и задает тональность. В тексте самой проповеди сакральный текст будет присутствовать уже в виде пересказа на русском языке, понятного всем присутствующим. Итак, возможна следующая схема/структура: сакральный текст на церковнославянском (проphetическом, надэтническом) языке, прочитанный во время богослужения – текст проповеди на русском (святоотеческом, народном) языке как назидательное размышление о сакральном тексте.

Сакральный текст может быть представлен и в самом тексте проповеди в виде точных цитат из Священного Писания. Возможны различные схемы использования цитат из сакрального текста в тексте проповеди. Так, цитата из Священного Писания может находиться в сильной позиции начала текста, задавая предметную тему, и служить поводом для дальнейшего развития текста, когда проповедник разъяснит ее нравственный смысл (экспликация духовной темы). Схема текста такой проповеди следующая: цитата из сакрального текста в сильной позиции начала текста → текст проповеди, разъясняющий смысл цитаты → → нравственное назидание.

Священник может также построить текст проповеди на разъяснении не всего «зачала» из Евангелия в целом, а разбить его на части. Тогда каждая цитата из Священного Писания (экспликация предметной темы) будет разъясняться (экспликация духовной темы), при этом обязательная назидательная часть может находиться как после каждого такого блока, так и после всей проповеди в целом. Схема развития текста такой проповеди имеет два варианта: цитата 1 из сакрального текста → разъяснение → назидание; цитата 2 из сакрального текста → разъяснение → назидание; цитата 3 из сакрального текста → разъяснение → назидание / цитата 1 из сакрального текста → разъяснение; цитата 2 из сакрального текста → разъяснение; цитата 3 из сакрального текста →

разъяснение → назидание. Количество смысловых блоков определяется количеством частей сакрального текста Священного Писания. Сакральный текст в виде цитаты будет находиться в сильной позиции начала абзаца и означать развитие следующей микротемы.

Цитата из сакрального текста в вышеописанных схемах развития текста проповеди эксплицирует предметную тему, служит поводом для развития текста, разъяснения нравственного смысла (экспликация духовной темы) и назидания аудитории.

Сакральный текст в виде цитаты, помещенный перед текстом в качестве эпиграфа, будет выражать основную мысль текста, задавать определенную тональность. Также эпиграф может выполнять роль экспозиции и разъяснять предваряемый им текст. Эпиграф – сильная позиция в тексте, имеющая в нем фиксированное положение [Т.Р.Петрат 2003:780]. Поскольку эпиграф, используемый в жанре проповеди, – цитата из авторитетного для религиозной аудитории источника (Священное Писание), то можно говорить о его предельной интертекстуальности.. Эпиграф, находясь в определенном соответствии со стилем произведения, указывает читателю (слушателю) путь интерпретации текста, сужая диапазон его возможных истолкований, но при этом не ограничивает и не предполагает одного варианта.

Цитата может использоваться в проповеди с целью структурирования логической схемы: может служить аргументом или иллюстрацией к аргументу, приведенному проповедником; цитата представляет собой «ссылку на авторитет», бесспорный для данной аудитории. Цитата из сакрального текста будет располагаться в сильной позиции текста: либо в начале абзаца, либо в конце абзаца.

Цитата из сакрального текста также может располагаться в конце проповеди, в заключении, в назидательной части, завершая размышления проповедника, подводя итог сказанно-

му. Сакральный текст в данном случае может представлять собой цитату из молитвы, канона, из Священного Писания. Функция такого отрывка – завершить текст, обозначив для слушателей «выход в будущее», выразить надежду на изменение к лучшему: *«Будем же...»*.

Итак, сакральный текст (текст Священного Писания на церковнославянском языке) может присутствовать в тексте проповеди в виде цитаты и выполнять следующие функции: служить поводом для произнесения проповеди в целом; служить поводом для развития микротема в тексте проповеди; выражать основную мысль текста, задавать благоговейную тональность; выстраивать логическую структуру текста, выступая в качестве бесспорного аргумента или сильной иллюстрации в ходе рассуждения; завершать текст проповеди, задавая цели на будущее, открывая перспективу.

Прием цитирования Священного Писания также входит в ядро поля благоговейной тональности.

Скажем также о том, что благоговейная, почтительная тональность реализуется в тексте проповеди при экспликации различных разновидностей предметной темы: как сакральной, так и профанной: «Требуемые в проповеди церковно-библейский характер и тон могут быть не только тогда, когда проповедник говорит о самых возвышенных тайнах веры, но и тогда, когда ему приходится говорить и о потребностях плотского человека, о самых низких материях. Наоборот, чисто церковного духа может не быть даже тогда, когда речь идет о высоких догматических предметах. ... Благочестивый слух сейчас же улавливает присутствие или отсутствие в проповеди церковно-библейского духа. ... Здесь применимо прекрасное образное выражение Господа Иисуса Христа о духе вообще: *"Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит"* (Ин. 3:8)» [Аверкий 2001: 41]. Так, например, происходит в тексте проповеди митрополита Кирилла. При экспликации

профанной темы автор использует нейтральную, возвышенную лексику с включениями книжной: *трудовой коллектив, дом престарелых, насельники, милосердие* [АКМ].

Проповедь, в самом общем плане, – это изложение религиозного учения, направленное на конкретного адресата. Учительная позиция проповедника декларируется в тексте Евангелия: «И сказал им: идите и проповедуйте Евангелие всей твари» [Мк. 16, 15], «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием» [2 Тим. 4, 16]. Следовательно, можно выделить еще одну разновидность тональности, определяющую своеобразие жанра, – учительную тональность.

Рассмотрим на примере конкретных текстов, как эксплицируется в тексте проповеди учительная тональность. Данный вид тональности реализуется разнообразными средствами, например, с помощью уверенной констатации и отсутствия субъективной модальности колебания, неуверенности, сомнения. Другую группу средств составляют средства долженствования. Остановимся на них подробнее.

Так, жанрообразующей чертой проповеди является наличие композиционных блоков, в которых истолковывается какое-либо событие и указывается, что оно означает для человека. Наибольший вес в таких композиционных блоках имеют глагольные конструкции, выражающие идею долженствования: *Сию-то радостную встречу Господа нашего Иисуса Христа и мы с вами ежегодно торжественно празднуем, но это событие не должно иметь для нас значение только лишь историческое. Оно должно оставаться для нас событием существенным, имеющим непосредственное значение для нашей души и для нашего спасения* [АКВГ]. *Так точно должно и нам поступать при Сретении Господа* [там же]. *Так и мы должны при сретении Господа являть в себе добрые качества пальмы; наша добрая нравственная деятель-*

ность **должна опираться** на твердые убеждения веры, чтобы наша добрая жизнь никогда не засыхала и не предавалась порче и тлению, но всегда была свежей и цветущей [там же]. Этим народ израильский желал выразить перед Господом свое радостное чувство. Так точно и мы **должны славословить** Господа: и устами – словесно, и молчаливо – самым своим житием, чтобы во всем прославлялся Спаситель наш Иисус Христос. Как небо, которое хотя и не имеет уст, но своей красотой заставляет других славить Творца, так и всякий **должен прославлять** Господа своим добрым поведением и жизнью. **Должны мы прославлять** Господа и устами своими во всяком духовном пении и молитве – за Его чудные дела и неизреченные Его к нам любовь и милосердие [там же]. И вот в эти моменты – а они случаются постоянно в нашей среде, в среде всего человечества – мы **должны подумать** о женах – мироносицах, подумать об Иосифе Аримафейском, о Никодиме, и как скала твердая стоять, поддерживая друг друга [МАСЖ].

Жанр проповеди характеризуется прямо выраженными идеями долженствования, указаниями, как надо себя вести слушателям, чтобы достичь Царства Божия, спастись. Указание на то, как надо думать, поступать в той или иной ситуации, несомненно, создают ядро поля учительной тональности текста проповеди.

Выделенные при анализе текстов проповеди благоговейная и учительная тональности обусловлены социальной ролью проповедника: его позицией посредника (медиатора) между Богом и людьми, с одной стороны, и позицией наставника, учителя по отношению к пастве, с другой стороны. В то же время вторая позиция не столь однозначна (проповедник не только пастырь, занимающий иерархически более высокую позицию по отношению к прихожанам), она в значительной мере определяется равенством всех людей перед лицом Бога, поэтому проповедник объединяется со своими

слушателями (см. Прохватилова 1999). Отсюда возможность выделения еще одной разновидности категории тональности, свойственной проповеди.

Проповеди, произнесенные Иисусом Христом, отличаются простотой и безыскусностью, они пронизаны доверительной интонацией, построены как беседа (недаром первоначальное название одного из основных субжанров проповеди – это *о м и л и я*, давшее название науке о произнесении проповеди – гомилетике). Следовательно, одна из основных тональностей проповеди – это тональность *собеседования*, или *беседная*. Отметим, что тональность *собеседования* свойственна для русской культуры, входит в состав русского риторического идеала, использование принципов беседы в проповеди обеспечивает ее воздействующую силу [см.: Михальская 1992, 1996; Прохватилова 1999, 2005; Рытникова 1996].

Подобный вид тональности задается в тексте проповеди принятым обращением, подчеркивающим равенство всех присутствующих перед Богом: *Братья и сестры! Возлюбленные Богом братия и сестры! Дорогие, дорогие братья и сестры* (при этом подразумевается Бог как отец – идея семьи, в которой все остальные члены равны между собой); употреблением мы-конструкций с тем же значением равенства: *мы с вами, мы знаем, мы понимаем* и т.п. Также тональность *собеседования* реализуется при помощи активно используемых в тексте проповеди таких средств диалогизации, как вопросно-ответное единство, риторический вопрос, риторическое обращение, риторическое восклицание. Указанные средства составляют, на наш взгляд, ядро поля *беседной тональности*.

Рассмотрим более внимательно, как используются названные средства с целью создания *беседной тональности*.

Вопросно-ответное структурно-содержательное единство – важнейший способ развертывания текста в жанре пропове-

ди, отражающий авторские размышления на актуальную для слушателей тему и задающий тональность собеседования. Вопросы в смысловом блоке могут быть единичными и образовывать группы, могут находиться в начале и/или в конце блока, выполняя при этом (помимо функций обозначения узловых позиций текста; выявления проблемы, волнующей автора; связывания частей текста; передачи логики авторской мысли; активизации мыслительных процессов слушателей) функции продуцирования определенного эмоционального состояния, выражения авторской оценки, актуализации информации для слушателей. Ответы представляют собой «ссылку на авторитет», задают некий образец, соответствующий идеалу, общему для проповедника и аудитории.

Современные исследователи отмечают, что проповедь «диалогична по своей природе» [Прохватилова 1999]. Истоки внутренней диалогичности проповеди ученые видят в ее генетической связи с вопросно-ответными беседами Христа с народом и апостолами, а также и в том, что подобная (вопросно-ответная) форма проповеди «еще долго жила, например, в собеседованиях Антония Великого, Макария Великого, Марка-аскета и др.» [Левшун 1992]. Рассмотрение проповеди в аспекте диалогичности выявляет несколько форм, или типов, диалогичности, актуальных для пастырского наставления: внешняя диалогичность, внутренняя диалогичность и глубинная диалогичность [Прохватилова 1999].

Вопросно-ответные структурно-содержательные единства являются проявлением внешней диалогичности, которая реализует направленность пастырского слова на адресата и эксплицируется в речи за счет введения в монологический контекст диалогических языковых форм.

Вопрос и ответ – две противоположности единого целого: вопрос есть обращение, требующее ответа; ответ есть высказывание, вызванное вопросом. С помощью вопросов и ответов осуществляется целенаправленная передача знаний и

представлений от одного человека к другому, разрешается противоречие между осведомленностью одного коммуниканта и неосведомленностью другого.

Вопросы в тексте проповеди могут выполнять различные функции. Обратимся к тексту проповеди митрополита Антония (Сурожского) «О причащении» от 20 марта 1988 г. После вступления, в котором рисуется идеальная ситуация, задан образец отношения к причастию как встрече с Богом (описывается сияние, исходившее от лица Моисея после видения Славы Божией), автор серией вопросительных предложений переводит план идеальный в план реальный, от высокого образца, заданного Библией, переходит к греховному состоянию современного человека, при этом не отделяя себя от прихожан: *«Каким же образом происходит, что раз за разом мы причащаемся – некоторые из нас дерзновенно из недели в неделю, другие с большим страхом Божиим, реже – и однако никто из окружающих нас не видит этого Божественного сияния на нашем лице, в наших глазах? Как происходит, что эта слава Божия не излучается из каждого нашего слова, из глубокого безмолвия души, не явлена красотой каждого нашего действия, когда каждое наше движение достойно Самого Бога?»*. Эта серия вопросов совпадает с границами абзаца. В начале же следующего вместо ожидаемого ответа – еще один вопрос, который развивает предыдущие: *«И еще: каким это образом, причащаясь на протяжении стольких лет, мы едва ли отдаем себе отчет, что с нами совершается что-то неизъяснимо великое?»*. Отвечает далее автор именно на последний вопрос. Таким образом, первые два вопроса служат для связи вступления и основной части. Третий же обозначает проблемное поле дальнейшего текста. После ответа, представляющего собой «ссылку на авторитет» – рассказывается история из жизни святого Симеона Нового Богослова, абзац завершается. Границы вопросно-ответного смыслового блока совпадают с абзачным членением текста.

Следующий абзац представляет собой серию вопросов, которые снова, как и в первом случае, переводят слушателя из мира идеального в мир реальный, заставляют сравнить себя с заданным образцом: *«Случалось ли кому-нибудь из нас уловить нечто от этого, чтобы хоть понять это переживание? Пережить то, что он переживал, может оказаться слишком много для нас, - но хотя бы понять, о чем он говорит? Прикоснулись ли когда-либо хоть края этой тайны. И если нет, то почему, почему?»*. И снова первые три вопроса направлены на осознание слушателями того, что было сказано в предыдущей части, то есть связывают части текста, последний же вопрос обозначает следующую проблему, о которой пойдет речь в следующей части текста.

Ответ начинается с уточняющего вопроса: *«Не потому ли, что идти к Причастию можно по-разному?»* и представляет собой три абзаца, в которых автор размышляет о разном отношении к таинству причастия, начиная с явно отрицательного, неправильного и заканчивая образцовым, приводя в пример опыт святых. Данный вопросно-ответный блок состоит из четырех абзацев, являясь значительным текстовым фрагментом. Заканчивается он серией вопросов, функция которых – актуализировать для слушателей приведенный образец: *«Понятно ли нам это? Подходим ли мы, зная, что приступаем к Богу, Который есть Огонь опаляющий? Можем ли мы сказать вместе с пророком Исаией, а за ним – с Павлом, что «страшно впасть в руки Бога Живого?»*.

Заключение проповеди (два абзаца) – призыв к слушателям и к самому себе: *«Будем же помнить эти предостережения, которые мы слышим и от святых, и от обратившихся грешников, и ставить перед собой вопрос: как я приступаю к Причастию? В отчаянной ли нужде – или беспечной самоуверенности? С сердцем сокрушенным, потому что мне Бог нужен больше, чем нужна жизнь или что иное, - или «по-дешевому»: потому что я числюсь членом Его Церкви,*

даже если и не являюсь живым членом Его Тела?». Цель этой серии вопросов – и связь с предыдущим смысловым фрагментом, и подведение итогов, и актуализация сказанного, и создание определенного эмоционального состояния. Смысловой блок заканчивается побуждением, призывом: *«Задумаемся над этим... и станем судить себя, чтобы не быть судимыми и осужденными! Аминь»*.

Таким образом, вопросно-ответное структурно-содержательное единство – важнейший способ развертывания текста в жанре проповеди, отражающий авторские размышления на актуальную для слушателей тему и позволяющий создать атмосферу доверительности, дружелюбия, со-размышления и со-чувствия. Несомненно, роль вопросно-ответных единств в формировании поля беседной тональности очень высока.

Риторические вопросы и восклицания, обращения также усиливают доверительную тональность собеседования. Так, в тексте апологетической проповеди архимандрита Кирилла (Павлова) «О молитвенном поминовении усопших (проповедь в мясопустную родительскую субботу)» [АКПУ] встречаем следующие конструкции: *Возлюбленные во Христе братия и сестры!* (риторическое обращение) *Что мы видим умирающим?* (риторический вопрос) *Как же радостно будет услышать от них слово благодарности за молитву! Если бы каким-нибудь образом перед нами отворились врата вечности и мы увидели бы эти сотни, тысячи миллионов людей, рвущихся к мирному пристанищу, - то какое бы сердце не поразилось и не сокрушилось при виде своих единоверных и единокровных близких, без слов взывающих к нашей молитвенной помощи!* (риторическое восклицание). Аналогичная картина наблюдается и в текстах других проповедей.

Подводя предварительный итог, можно отметить наличие базовых субкатегорий, являющихся жанрообразующими, –

это благоговейная, учительная и беседная (собеседовательная) субкатегории тональности.

Дополнительные субкатегории тональности в проповеди

Политональность проповеди не исчерпывается только указанными субкатегориями. Палитра основных тональностей проповеди дополняется иными, связанными как с личностью автора, его уровнем осознания поднятых проблем, так и с целью произнесения данной конкретной проповеди. Остановимся на сказанном более подробно.

Одна из возможных классификаций проповеди – в зависимости от конкретной цели проповедника. Так, можно выделить праздничную проповедь (цель – поздравить аудиторию с праздником), обличительную проповедь (цель – изменить духовное состояние слушателей с благостного на покаянное), возможны и иные разновидности проповеди в зависимости от конкретной цели автора. Назовем подобную тональность целевой.

Рассмотрим сказанное на примере праздничной догматической проповеди священника Александра Клеменова «Радость Воскресения» [далее – РВ], посвященной Пасхе как главному празднику в церковном календаре. Праздничная тональность создается в тексте проповеди за счет многочисленных лексических и синтаксических средств, пронизывающих весь текст, причем праздничная тональность становится в тексте основной, она вбирает в себя благоговейную, учительную и беседную. В тексте используются риторические восклицания, риторические вопросы: *Пасха Христова!...Возвеселитесь, небеса, радуйся, земля, празднуй, мир – видимый и невидимый, ибо восстал Христос – вечная Радость! Сколько радостного, сколько отрадного заключается в этих словах для православного христианина! Можно сказать, в них центр радостей христианских. ... Сколько радо-*

сти несут песнопения эти в сердца тем, кто с верою воспринимает возвещаемое в них! ... Чья душа не затрепещет в духовном восторге, прозревая величие Воскресения Христова!? [РВ]. Обычно подобные средства используются для создания в тексте проповеди беседной тональности, в данном случае, помимо выражения совместно испытываемых чувств, риторические фигуры помогают выразить праздничную атмосферу.

Автор использует известные слушателям цитаты: «Возведи твои взоры, Сион, и посмотри: вот стеклись к тебе от запада, и севера, и моря, и востока чада твои...», «Благословенный нами венец – Христос, из гроба воссиял, и все наполнилось светом – небо, земля и преисподняя...», «Как в Адаме все умирают, так в Христе все оживут», завершая проповедь праздничным тропарем «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» [там же]. Цитирование в проповеди создает базовую благоговейную тональность, но в анализируемом тексте возникает и праздничная тональность, так как используются сакральные тексты, читаемые именно в праздник Пасхи.

Также в тексте используется возвышенная, книжная лексика с общим значением радостного праздника: **Праздник жизни, обновления... Все исполнилось света:** и небо, и земля, и преисподняя, и **празднует** вся тварь восстание Христово. ... **центр радостей христианских... Чудные, восторженные пасхальные песнопения радостно волнуют, потрясают душу. ... Оживает новая надежда обретения вечного праздника. ... Широкою волною движется вокруг храма народ. ... Все сливается в один радостно-торжественный гимн. ... И мы обращаемся за светом к Воскресшему Свету,** чтобы рассеять мрак ночи сомнений, призраков, несбыточных грез и блужданий. **Христос воскрес – и наступил для человека поистине священнойший, спасительный, светлый день озарения. В чудном свете победы**

Христа христианин видит, что **добро сильнее зла**. Потому так **радостен и дорог** для верующего человека **праздник Воскресения** [там же].

Также на примере данного текста можно увидеть, что имя Христа для автора и слушателей всегда связано с положительной эмоциональной окраской: Христос – путь нашей жизни. Он наше дыхание, наш свет, наша пища и питье. Он наш верный руководитель, ведущий нас к блаженству. Христос воскрес по телу, и Его Воскресение явилось знамением нашего воскресения [там же]. Подобная картина наблюдается и в текстах других проповедей.

Анализ данного текста показывает, что конкретная цель – поздравить прихожан с праздником, со-радоваться с ними великому событию – делает праздничную тональность основной, при этом сохраняются и жанрообразующие типы тональности благоговения, учительности и собеседования, подчиняясь праздничной, входя в нее как составные части.

Отмечая «эффект заражения», характерный для текстов, в которых ярко эксплицирована категория тональности, скажем, что особой «заражающей» силой отличаются тексты, в которых явственно видна личность проповедника, его собственный взгляд на излагаемые вещи, его эмоциональное настроение, его психологическое состояние: «Вполне естественно, что одну и ту же истину разные проповедники могут излагать различно, каждый по-своему, в зависимости от своего внутреннего настроения» [Аверкий, 2001]. Подобного рода тональность, назовем ее индивидуально-авторской, очевидно имеет множество разновидностей.

Обратим при этом внимание на своеобразное отношение говорящего и адресата, которое, по мнению авторитетных проповедников, заключается в следующем: «Я думаю, что, когда мы проповедуем, мы не должны направлять наше внимание на слушателя. Как сказал один из святых отцов, следует вонзить слово Божие в собственное сердце, как кинжал,

как нож. И когда потечет кровь вашего сердца, это значит, что и еще чье-то сердце поражено» [митр. Антоний]. Воздействующая сила проповеди проявляется только при полном самораскрытии автора, при обращении его на самого себя. Обратимся еще раз к наследию митр. Антония: «К проповеди не готовятся, просто засев за письменный стол и окружив себя толкованиями святых отцов. Когда отцы говорили, их слово шло из сердца, они кричали из глубины своего опыта. Если мы будем просто повторять то, что они говорили, никогда не достигнет их крик. Если слово, которое ты говоришь в проповеди, тебя ударяет в душу, если глубоко вонзается, как стрела, в твое собственное сердце, оно ударит в чужую душу и вонзится в чужое сердце. Но если проповедник будет говорить вот «этим людям» то, что ему думается, «им полезно знать», то большей частью это будет бесполезно, потому что ума это, может быть, коснется, но жизнь ничью не перевернет. Конечно, надо иметь какое-то знание, конечно, надо понимать, о чем говорит Евангелие или отрывок Священного писания, но этого мало. Если твоя проповедь тебя самого ранит в самые глубины, если ты не предстоишь в ужасе перед Богом и не говоришь в Его имя (может быть, себе в суд или осуждение, но во спасение другим), то такая проповедь ничью жизнь не переменит» [митр. Антоний].

Обратимся к текстам проповедей митрополита Антония Сурожского. Так, в догматической проповеди «Рождество Христово. 1979 г.» [далее – МАРХ 79] наблюдается следующая картина: поле индивидуально-авторской тональности распределяется в тексте по принципу антитезы. Во вступлении встречается входящая в ядро поля лексика с положительной эмоциональной коннотацией, создающая настроение радости, умиления: *Божественная любовь, новорожденный Ребенок, хрупкость, беззащитность, образ любви, себя отдающей, никогда себя не защищающей, все дающей, на все надеющейся*. В основной части текста, при обращении к ре-

альной жизни, оценочный знак поля тональности меняется на противоположный: *к концу жизни, в горечи сердца, страдания, тьма, крик со всей земли нашей, холодной, осиротелой, полной страха, и горечи, и боли, отчаяние* [МАРХ 79] и др. Далее тональность снова меняется: с образом Бога в текст снова возвращается характерная лексика: *огнь, сила, кроткий, беспредельно любящий, радостный, непостижимого мира исполненный взгляд Христа, Бог есть любовь, любовь безмерная, непостижимая, плоть новорожденного Христа, ликующая, торжествующая жизнь, которая называется любовью, беззащитность, хрупкость* [там же]. Развивая далее основную мысль текста: «Бог есть любовь» – автор использует указанные выше ядерные средства создания поля тональности риторические вопросы и риторические восклицания: *«Но чем мы отзовемся? В евангельском рассказе говорится о том, как волхвы пришли с востока со своими дарами; но куда нам прийти, и откуда? Они пришли издалека, из того места, где не было Христа; и мы можем сейчас устремиться ко Христу, вездесущему, воскресшему, все победившему, из ночи, из тьмы собственной души. Сколько нас, кому темно, сколько нас, кто в потемках; вот из этих потемок пойдем к свету. А свет – это любовь. Из мрака злобы – пойдем к любви! Из греха – пойдем к любви, всепрощающей, исцеляющей! Из холода жизни – пойдем к любви, которая может согреть душу и все изменить в жизни! Из серой скудости житейской – пойдем к любви, потому что где есть любовь, там свет и радость, там нет великого и мелкого, но все велико, потому что все может стать знаком любви!»*. В данном фрагменте оба поля авторской тональности (мажорная и минорная) пересекаются, налагаются друг на друга. В последнем, заключительном фрагменте основной части преобладающей становится мажорная тональность, исполненная любви: *злато, сверкающая слава, звонкая полнота, нержавеющая чистота, свобода любить без*

страха, любить от всей силы мощной души, преображенная земля, сияние света, благоухание, ласка, любовь, теплота, бессмертная, торжествующая, ликующая вечность.

В заключении текста проповеди содержатся скрытые цитаты (аллюзии) из Евангелия (*Кто хочет идти ко Мне, да отвержется от себя; Никто большей любви не имеет, как тот, кто свою жизнь отдаст; сила Божия в немощи совершается*), использован прием анафорического повтора (*Никто большей любви не имеет, как тот, кто жизнь свою отдаст; а отдать жизнь – это не обязательно умереть, это каждое мгновение жизни посвятить любви, творческой, зрячей, умной, смелой любви; любви, которая дает; любви, которая не защищает своего; любви, которая себя не защищает, не замыкается...*). В целом в заключении преобладает мажорная оптимистическая тональность, которая закрепляется строением последнего предложения: цитирование Евангелия и, как пояснение, – жизнеутверждающая совместная мы-позиция и будущее время глаголов в восклицательной конструкции: *«Сила Божия в немощи совершается: нам не надо бояться любить – отдадим себя до конца, и тогда весть о родившемся сегодня Христе станет реальностью не только в нашей жизни, но в жизни миллионов людей – светом, теплом, радостью, обновлением всей жизни! Аминь».*

Подобное использование субкатегории индивидуально-авторской тональности помогает слушателям по-новому взглянуть смысл известного праздника Рождества Христова, почувствовать и пережить случившееся так, как будто оно произошло с ними, приблизиться к Богу и осознать пути своего дальнейшего духовного развития.

Следует отметить, что индивидуально-авторская тональность, придающая проповеди неповторимость, тем не менее, лежит в русле христианской традиции, при которой многие понятия имеют иную эмоциональную окраску, весьма отличную от светской, мирской. Так, например, исследование тек-

стов проповеди показало, что ряд слов (*забота, попечение, прелесть, наслаждение* и другие) могут иметь негативную эмоциональную окраску, в то время как светский, невоцерковленный слушатель чаще воспринимает их положительно. С другой стороны, такое понятие как *смерть*, в сознании светского человека связанное с негативными ассоциациями, в текстах проповедей может встречаться с сугубо положительной, радостной эмоциональной окраской, особенно если речь идет о смерти святых (один из самых крупных праздников в церковном году – праздник *Успения* (т.е. смерти) *Пресвятой Богородицы*; наряду с ним Церковь всегда молитвенно отмечает дни смерти всех святых, занесенных в церковный календарь). Подобное распределение тональности связано с христианской концепцией, с понятиями «хорошо/плохо», «грех/добродетель», что, на наш взгляд, более связано с категорией рациональной оценки, не являющейся предметом рассмотрения в нашем исследовании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Православная проповедь – жанр политональный.

Анализ текстов показал наличие основных, т.е. жанрообразующих тональностей (благоговейной, учительной и беседной), обязательных для текста проповеди. Благоговейная и учительная тональности при этом отражают медиальную позицию проповедника, транслирующего Слово Божие, а тональность собеседования направлена на адресата и создает настроение доверительности, искренности, подчеркивает равенство сторон перед Богом.

При наличии базовых видов тональности широк и разнообразен спектр дополнительных субкатегорий тональности, который придают тексту проповеди индивидуальность и воздействующую силу. Это целевая (праздничная, обличительная и др.) тональности и индивидуально-авторская (в широком диапазо-

не) тональности, каждая из которых обладает только ей присущим отличительным набором языковых и речевых средств воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: (Оценка. Событие. Факт). М., 1988. – 340 с.
2. Архиепископ Аверкий (Таушев). Руководство по гомилетике. М., 2001 – 144 с.
3. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. – 394 с.
4. Горшкова М.Л. К определению понятия стилистической тональности художественного текста // Текст и его категориальные свойства. Киев, 1989. – С. 51 – 55.
5. Звегинцев В.А. Язык и общественный опыт: (к методологии генеративной лингвистики) // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. – С. 281 – 306.
6. Золотова Г.А. О модальности предложений в русском языке // Филологические науки, 1962, № 4.
7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. – 840 с.
8. Кутина Л.Л. «Чужая» речь в книжно-славянском тексте (к вопросу о разговорной функции церковнославянского языка) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка 18-го века. Л., 1984.
9. Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова в 11-17 вв. Минск, 2001. – 352 с.
10. Матвеева Т.В. Повторная глагольная номинация в разговорной речи и лексико-семантические группы глаголов // Классы слов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986. – С. 88 – 97.
11. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. М., 2003. – 432 с.
12. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990. – 172 с.
13. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998. – 352 с.

14. Михальская А.К. Пути развития отечественной риторики: утрата и поиски речевого идеала // Филологические науки. 1992. № 3. – С. 55 – 67.
15. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996. – 192 с.
16. Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1999. – 364 с.
17. Рытникова Я.Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая трактовка жанра. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996.
18. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. – 142 с.
19. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред А.В. Бондарко. Л., 1990. – 263 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ С ПРИНЯТЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ

АКВГ – архимандрит Кирилл (Павлов) «Слово на Вход Господень в Иерусалим. О встрече Господа»

АКМ – митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл «Мысли о вечном»

АКПУ - архимандрит Кирилл (Павлов) «О молитвенном поминовении усопших (проповедь в мясопустную родительскую субботу)»

МАРХ 79 – митрополит Антоний Сурожский «Рождество Христово, 1979»

МАСЖ – митрополит Антоний Сурожский «Неделя 3-я по Пасхе, Святых жен-мироносиц»

РВ - священник Александр Клеменов «Радость Воскресения»

СПИСОК ТЕКСТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Опыт построения исповеди. Сретенский монастырь, 2001. – 210 с.
2. Архимандрит Кирилл (Павлов). Время покаяния. М., 2000. – 320 с.
3. Архимандрит Кирилл (Павлов). Ищите прежде Царствия Небесного. М., 2000. – 310 с.
4. Архимандрит Кирилл (Павлов). Похвала Божией Матери. М., 1999. – 340 с.
5. Архимандрит Кирилл (Павлов). Проповеди. М., 1999. – 320 с.
6. Митрополит Сурожский Антоний. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Клин, 2002. – 416 с.
7. Сборник проповедей на праздников праздник – Святую Пасху. Екатеринбург, 2001. – 248 с.